

XXIV $\frac{118}{16}$

КАВКАЗСКІЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАЕМЫЙ

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ

ПО УКАЗАНІЮ

ГОСУДАРЯ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА

ВЪ БЫТНОСТЬ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

Главнoкомандующимъ Кавказскою Арміею.

Подъ редакціею артилеріи генераль-маіора Чернявскаго.

ТОМЪ X.

ТИФЛИСЪ. 1886.

Печатано въ типографіи Окружнаго Штаба.

стояли въ ночномъ караулѣ у вала и на батареяхъ, а половина навагинцевъ, по случаю говѣнья, была въ церкви, непріятель, незамѣченный часовыми, вдругъ бросился къ воротамъ и началъ ломать ихъ. По тревогѣ прибѣжалъ бывший въ казармѣ 1-й взводъ навагинцевъ съ ротнымъ командиромъ, подпоручикомъ Худобашевымъ, и завязалъ отчаянную свалку съ горцами, уже ворвавшимися въ укрѣпленіе. Черезъ нѣсколько минутъ подошелъ и другой взводъ роты Худобашева, бывший въ церкви, и тогда навагинцы дружнымъ ударомъ въ штыки выбросили горцевъ за ворота. Но наше торжество было непродолжительно: вскорѣ новыя толпы горцевъ, посаживавшихъ другъ друга, показались одновременно на валу трехъ другихъ фасовъ. Слабыя линейныя роты, занимавшія караулъ по постамъ, послѣ недолгаго сопротивленія, погибли вмѣстѣ съ своими офицерами и капитаномъ Пацахристо, убитымъ въ то время, когда онъ спѣшилъ къ пороховому погребу, съ зажженнымъ фитилемъ въ рукахъ. Тогда подпоручикъ Худобашевъ отступилъ на ближайшій бастионъ и, повернувъ орудія, открылъ огонь по толпившемуся врагу. Затѣмъ, разстрѣлявъ всѣ заряды и патроны, онъ рѣшился умереть съ остатками роты въ честномъ бою у орудій. Раненый вскорѣ пулею въ животъ, Худобашевъ продолжалъ командовать, сидя на барабанѣ. Увлеченные доблестнымъ примѣромъ своего командира, гренадеры дрались отчаянно, устилая горжу непріятельскими трупами. Пять разъ орудія переходили изъ рукъ въ руки, и только около трехъ часовъ пополудни въ фортѣ Вельяминовскомъ все смолкло. Подпоручикъ Худобашевъ *), человекъ пятнад-

*) Худобашевъ былъ выкушенъ, но другия-же свѣдѣніямъ, горцы, въ послѣдствіи, сами привезли его въ Анапу и, изъ уваженія къ его храбрости, отдали безъ выкупа.

цать раненыхъ солдатъ, нѣсколько больныхъ и іеромонахъ, захваченный у престола, въ алтарѣ, были взяты въ плѣнъ; всѣ остальные погибли. По разграбленіи найденнаго имущества и по сожженіи деревянныхъ построекъ, горцы снова на нѣкоторое время разошлись по ауламъ.

Слухи о взятіи непріятелемъ двухъ нашихъ фортовъ быстро разнеслись по всей береговой линіи и не замедлили вызвать экстренныя мѣры по возможному приведенію въ лучшее оборонительное положеніе еще уцѣлѣвшихъ укрѣпленій: вездѣ начали углублять рвы и возвышать бруствера, осыпавшіеся отъ дождей. Всѣмъ слабымъ роздали ружья и патроны и бдительность по ночамъ была удвоена.

Слѣдующій ударъ горцевъ обрушился на укрѣпленіе Михайловское, находившееся у устья р. Вулана, между фортами Тенгинскимъ и Ново-Троицкимъ. Оно имѣло на бастионахъ 8-мь орудій и защищалось гарнизономъ изъ 2-й и 3-й ротъ черноморскаго линейнаго № 4-го баталіона, 9-й мушкетерской роты тенгинскаго и 6-й мушкетерской роты навагинскаго полковъ, всего около 500-тъ человекъ, включая сюда больныхъ, артиллеристовъ, казаковъ и нестроевыхъ, при 8-ми офицерахъ *). Въ сущности, къ двадцатымъ числамъ марта налицо было не болѣе половины указанной цифры.

Воинскимъ начальникомъ укрѣпленія былъ черноморскаго линейнаго № 4-го баталіона штабсъ-капитанъ Лико, серьезный, отважный и исправный офицеръ, съ прапорщичьяго чина служившій на Кавказѣ. Это былъ, по словамъ очевидцевъ, человекъ съ энергическимъ

*) Черноморскаго линейнаго № 4-го баталіона штабсъ-капитанъ Лико, подпоручикъ Безносковъ, тенгинскаго полка подпоручикъ Краузагольдъ (командиръ роты), прапорщикъ Гаевскій, навагинскаго полка поручикъ Тягачевъ (командиръ роты), прапорщики Смирновъ, Земборскій, 11-й гарнизонной артиллерійской бригады прапорщикъ Ермолаевъ и лекаръ Сомовичъ.

взглядомъ, непреклонною волею, но съ нѣжною любящею душою. Всѣ его боялись, но и любили настолько, что каждый его подчиненный, по первому его слову, пошелъ-бы въ огонь и воду. Узнавъ объ участи форта Лазарева и какъ-бы предугадывая будущее, онъ тотчасъ принялъ на всякій случай всѣ зависѣвшія отъ него мѣры и, между прочимъ, отдѣлилъ брустверомъ сорвомъ ближайшую къ морю часть укрѣпленія, гдѣ находились провіантскій магазинъ и пороховой погребъ; въ этотъ редюнтъ онъ предполагалъ держаться до послѣдняго человѣка, еслибы горцы ворвались въ другую половину форта. На ряду съ усиленіемъ способовъ обороны, не была упущена и нравственная подготовка гарнизона къ всякимъ случайностямъ.

Около 15-го марта въ укрѣпленіе пріѣхалъ лазутчикъ, сообщившій о сборѣ огромной партіи шацсуговъ и абадзеховъ изъ долинъ рр. Фарсъ и Курджиисъ. Отпустивъ горца и спокойно взвѣсивъ обстановку, Лико пришелъ къ убѣжденію, что помощи извнѣ ожидать нельзя, а потому положилъ въ случаѣ крайности заклепать орудія и взорвать укрѣпленіе на воздухъ. Рѣшимость воинскаго начальника быстро сдѣлалась извѣстна офицерамъ, а черезъ нихъ и гарнизону. Начались приготовления къ встрѣчѣ непрощенныхъ гостей. По закатѣ солнца производился расчетъ гарнизону на случай тревоги, затѣмъ всѣ, кромѣ часовыхъ, ложились спать; въ полночь, подкрѣпивъ себя пищей и молитвой, люди занимали опредѣленные мѣста на бастіонахъ. Но пока всѣ ожиданія были еще преждевременны.

Вѣроятно положеніе человѣка обреченнаго на смерть далеко не изъ веселыхъ. Въ эти минуты есть о чемъ подумать, вспомнить, пожалѣть — отъ этихъ чувствъ не застраховано и сердце закаленного въ бояхъ воина. Не

удивительно, что и наши солдатики какъ-то примолкли, замкнулись въ себя: особенно задумчивъ былъ рядовой тенгинскаго полка Архинъ Осиповъ, уже не молодой, честный солдатъ, побывавшій въ походахъ противъ турокъ и персіянъ въ 1826-мъ, 1827-мъ и 1828-мъ годахъ *). Почти наканунѣ нападенія, Осиповъ быстро ходилъ по казармѣ, очевидно что-то обдумывая. Вдругъ, остановившись, онъ сказалъ: „я хочу сдѣлать память Россіи“. — Товарищи начали было надъ нимъ подсмѣиваться, но онъ, нимало не смутившись, яснѣе формулировалъ свою мысль: „въ минуту неустойки нашихъ, я подожду пороховой погребъ!“ На эту фразу никто не нашелся отвѣтить; всѣ были поражены и молчали. О намѣреніи рядоваго Осипова было доведено до свѣдѣнія штабсъ-капитана Лико. Этотъ откликъ на взлѣбляющую имъ завѣтную мечту растрогалъ его до глубины души.

Наступило 19-е марта. Утромъ гарнизонъ былъ по обыкновенію въ строю; не заставилъ себя ждать и воинскій начальникъ. Быстро оглядѣвъ людей и поздоровавшись съ ними, штабсъ-капитанъ Лико напомнилъ имъ о святости воинской присяги и чести русскаго оружія, объявилъ о предстоящемъ нападеніи и о твердомъ намѣреніи своемъ, если непріятелю удастся проникнуть въ фортъ, взорвать пороховой погребъ. Единодушное „ура!“ прокатилось по рядамъ храбраго гарнизона. Давъ стихнуть общему одушевленію, Лико вызвалъ охотниковъ для взрыва пороховаго погреба: съ Архиномъ Осиповымъ во главѣ, вышло 10-ть человѣкъ, но предпочтеніе было

*) Въ память этихъ войнъ онъ имѣлъ медаль, сохранившуюся съ вещами покойнаго въ ротномъ цейхаузѣ въ Черноморіи. Теперь она украшаетъ въ полковой церкви образъ св. Николая Чудотворца (патрона 9-й мушкетерской, нынѣ 12-й роты), обновленный усердіемъ солдатъ, въ память объ Архинѣ Осиповѣ.

отдано первому, въ виду еще раньше заявленнаго имъ желанія. Находившійся въ укрѣпленіи для исполненія церковныхъ требъ іеромонахъ Паисій благословилъ героя на славную смерть, Осиповъ-же просилъ товарищей „помнить его дѣло“. Съ этого дня Архипъ Осиповъ, по словамъ товарищей-очевидцевъ, сдѣлался полнымъ хозяиномъ пороховаго погреба: съ 12-ти часовъ ночи до 10-ти часовъ утра онъ безвыходно находился запертымъ тамъ, съ ружьемъ, зажженнымъ фитилемъ и водою со спиртомъ для подкрѣпленія силъ. Люди стали готовиться къ смерти—исповѣдывались, пріобщались, мылись и одѣвались въ чистое бѣлье и мундиры. Лико, какъ безсмѣнный часовой, проводилъ безсонныя ночи на валу.

Въ ночь на 21-е марта, въ четвергъ на четвертой недѣлѣ великаго поста, непріятель, въ числѣ около 11 т. человекъ, скрытно вышелъ изъ ближайшихъ ущелій и обложилъ укрѣпленіе. Лай собакъ, содержащихся во всѣхъ фортахъ береговой линіи и на ночь выгоняемыхъ для караула за ограду, далъ знать гарнизону о грозившей близкой опасности. Роты тотчасъ, безъ шума, заняли заранѣе опредѣленные мѣста на случай тревоги и штабсъ-капитанъ Лико не упустилъ еще послѣдній разъ напомнить людямъ, что славная смерть лучше позорнаго плѣна. Стало разсвѣтать. Вдали пока еще неясно обозначались темныя массы горцевъ. Но, вотъ, грохнуло наше орудіе и непріятельскія пѣшія толпы, неся лѣстницы, со всѣхъ сторонъ бросились на приступъ. Встрѣченные картечью и сильнымъ ружейнымъ огнемъ, горцы заколебались и подались назадъ, но послѣ полтора часовой перестрѣлки бросились вновь и успѣли взойти въ нѣсколькихъ пунктахъ на валъ; впрочемъ, торжество ихъ не было продолжительно: сброшенные въ ровъ штыками, они обратились въ бѣгство, провожаемые нулями и

картечью. Досадуя на неудачу, убыхи начали обвинять шансуговъ въ трусости и бѣгствѣ; это едва не повело къ дракѣ, но, наконецъ, вожди обоихъ племенъ пришли къ соглашенію. Рѣшено было снова бросить на штурмъ пѣшую массу, но, въ предупрежденіе новаго позорнаго бѣгства, придвинуть стоящую до тѣхъ поръ въ отдаленіи конницу, съ приказаніемъ безъ милосердія рубить всѣхъ, кто обратится назадъ. Мѣра эта подѣйствовала. Поставленные такимъ образомъ между двухъ огней, пѣшіе горцы отчаянно, съ потрясающимъ душу гикомъ, бросились впередъ, одновременно взопли на брустверъ и, подавивъ горсть храбрыхъ защитниковъ своею многочисленностью, заставили ее отойти за траверсъ.

Силы наши быстро таяли. Подпоручикъ Краумзгольдъ былъ изрубленъ въ куски. Поручикъ Тимченко и артилеріи прапорщикъ Ермолаевъ, который, не будучи въ состояніи дѣйствовать изъ орудій за грудями труновъ и недостаткомъ зарядовъ, взялся съ прислугою за ружья—были убиты. Нѣсколько десятковъ уцѣлѣвшихъ еще солдатъ отступили на морскую батарею, гдѣ штабсъ-капитанъ Лико дѣлалъ чудеса храбрости; наконецъ и онъ упалъ тяжело раненымъ. Это было самымъ тяжкимъ ударомъ для оставшейся еще горсти храбрыхъ; истощенные продолжительнымъ упорнымъ боемъ, они, тоскливо оглядываясь кругомъ, ни откуда не видѣли нравственной поддержки: на ногахъ не было ни одного офицера. Векоръ съ нашей стороны перестрѣлка затихла: стрѣлять было некому и нечѣмъ. Только въ одномъ углу укрѣпленія шла странная борьба—надъ десятками горскихъ папахъ мелькалъ попеременно то штыкъ, то прикладъ, но въ отвѣтъ не поднималась ни одна непріятельская шашка. Это послѣдній, оставшійся на ногахъ защитникъ укрѣпленія, тегиш-

скаго полка рядовой Александръ Федоровъ молодецки защищался отъ обступившихъ его враговъ, рѣшивъ дорого продать свою жизнь. Изумленные отчаяннымъ мужествомъ Федорова и принимая его за коменданта, перелѣтаго въ солдатское платье, горцы щадили жизнь храбреца и, когда онъ окончательно выбился изъ силъ, захватили его въ плѣнъ *).

Тѣмъ временемъ скопище уже хозяйничало въ строеніяхъ и часть его бросилась къ пороховому погребу, гдѣ былъ запертъ Архипъ Осиповъ. Доблестный солдатъ этотъ свято исполнилъ завѣтъ своего достойнаго начальника: вслѣдъ за стукомъ отбиваемыхъ замковъ послѣдовалъ страшный взрывъ; задрожала земля; все затряслось, и цѣлое облако дыма, унизанное золотыми языками пламени, вперемежку съ тѣлами, кусками разныхъ матеріаловъ и проч. взвилось къ небу... Черезъ нѣсколько минутъ на мѣстѣ славнаго Михайловскаго укрѣпленія оставалась груда развалинъ; наступившая гробовая тишина прерывалась лишь стономъ умирающихъ; все живое, уцѣлѣвшее, какъ-бы застыло, окаменѣло. Опомнившись отъ ужаса, горцы начали расходиться, уводя съ собою горсть плѣнныхъ, около 80-ти человѣкъ, но большей части израненныхъ, въ томъ числѣ 2-хъ офицеровъ **) и іеромона-

*) Въ горахъ съ нимъ обращались относительно хорошо и въ тотъ абдехскій аулъ, гдѣ онъ находился, съѣзжались многіе горцы посмотреть на необыкновеннаго храбреца-глура. Выкушенный въ іюль мѣсяцѣ изъ плѣна мирнымъ хатюкаевцемъ Хаджи-Шерефлуку-Калауковымъ, Федоровъ былъ произведенъ генералъ-адъютантомъ Граббе въ унтеръ-офицеры, а Государь Императоръ соизволилъ пожаловать ему знакъ отличія военнаго ордена, фельдфебельскій окладъ жалованья и перевести въ л.-г. измайловскій полкъ, въ роту Его Величества.

**) Одинъ изъ нихъ былъ самъ Лико, вскорѣ умершій отъ гангрены ноги. Фамилія другаго неизвѣстна.

ха *). Непрiятель понесъ огромную потерю, до 3 т. человѣкъ.

Укрѣпленіе Михайловское было уничтожено: герой Осиповъ погибъ, но имя его было увѣковѣчено въ рядахъ тенгинскаго полка незабвеннымъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ **).

Въ приказѣ военнаго министра отъ 8-го ноября 1840-го года за № 79-мъ, изъ котораго вся русская армія узнала о геройской оборонѣ и гибели форта, значилось слѣдующее:

„Устроеныя на восточномъ берегу Чернаго моря укрѣпленія, основанныя для прекращенія грабежей, производимыхъ обитающими на томъ берегу черкесами, и въ особенности для уничтоженія гнуснаго ихъ промысла—торга невольниками, въ продолженіе весны нынѣшняго года подверглись непрерывнымъ со стороны ихъ нападеніямъ. Выбравъ это время, въ которое береговья укрѣпленія, по чрезвычайной трудности сообщеній, ни отколь никакой помощи получить не могли, горцы устремились на оныя со всѣми своими силами, но, въ ожесточенной борьбѣ съ горстью русскихъ воиновъ, они встрѣчали повсюду самое мужественное сопротивленіе и геройскую рѣшимость пасть до послѣдняго человѣка въ оборонѣ ввѣренныхъ имъ постовъ. Гарнизоны всѣхъ этихъ укрѣпленій покрыли себя незабвенною славою, и изъ нихъ въ особенности гарнизонъ укрѣпленія Михайловскаго явилъ примѣръ рѣдкой не-

*) Іеромонаха Панаіа горцы почему-то приняли за плотника и, при обратномъ движеніи въ горы, навѣвчили награбленными пожитками; впоследствии же, узнавъ о его духовномъ санѣ, продали горскимъ армянамъ за полтора рубля. Армяне, ради полученія медалей, награжденіе коими они высоко цѣнили, — доставили его на линію.

**) Въ настоящее время штабсъ-капитану Лико и рядовому Архипу Осипову воздвигнутъ памятникъ въ г. Владикавказѣ.

устрашимости, непоколебимаго мужества и самоотверженія. Состоя изъ 500 только человекъ подъ ружьемъ, онъ въ продолженіе двухъ часовъ выдерживалъ самое отчаянное нападеніе свыше 11,000 горцевъ, внезапно окружившихъ укрѣпленіе, нѣсколько разъ сбивалъ ихъ съ вала и принудилъ къ отступленію, но когда, наконецъ, потерявъ въ жестокомъ бою большую часть людей, гарнизонъ не видѣлъ уже возможности противустоять непріятелю, въ двадцать разъ сильнѣйшему, то рѣшилъ взорвать пороховой погребъ и погибнуть вмѣстѣ съ овладѣвшими укрѣпленіемъ горцами.

„На подвигъ этотъ, по собственному побужденію, вызвался рядовой тенгинскаго пѣхотнаго полка Архипъ Осиповъ и мужественно привелъ его въ исполненіе. Обрекая себя на столь славную смерть, онъ просилъ только товарищей помнить его дѣло, если кто-либо изъ нихъ останется въ живыхъ. Это желаніе Осипова исполнилось: нѣсколько человекъ храбрыхъ его товарищей, уцѣлѣвшихъ среди общаго разрушенія и гибели, сохранили его завѣтъ и вѣрно его передали.

„Государь Императоръ почтилъ заслуги доблестныхъ защитниковъ Михайловскаго укрѣпленія въ оставленныхъ ими семействахъ. Для увѣковѣченія же памяти о достохвальномъ подвигѣ рядоваго Архипа Осипова, который семейства не имѣлъ, Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: *сохранить навсегда имя его въ спискахъ 1-ой гренадерской роты тенгинскаго пѣхотнаго полка, считая его первымъ рядовымъ, и на всѣхъ переключкахъ, при спросѣ этого имени, первому занимаемому отвечать: погибъ во славу русскаго оружія въ Михайловскомъ укрѣпленіи!*

„Высочайшее соизволеніе сіе объявляю по арміи и всему военному вѣдомству“.

За отличіе при штурмѣ Михайловскаго укрѣпленія, всѣмъ уцѣлѣвшимъ и выкупленнымъ въ послѣдствіи его защитникамъ Высочайше повелѣно: офицерамъ убавить годъ выслуги на полученіе ордена св. Георгія за 25-ть лѣтъ, а нижнимъ чинамъ—годъ службы; многіе нижніе чины были произведены въ унтеръ-офицеры и награждены знаками отличія военнаго ордена. Монаршія щедроты излились и на осиротѣвшія семьи павшихъ героевъ; такъ напр., матери штабсъ-капитана Лико пожаловано единовременно 1000 рублей и 170 руб. 60 коп. пенсіи изъ инвалиднаго капитала; вдовѣ подпоручика Безносова—единовременно 500 рублей и пенсія въ 230 рублей со дня смерти мужа; отцамъ подпоручика Краузгольда и прапорщика Смирнова единовременно—первому 230-ть, а второму—215-ть рублей.

Понесъ при взрывѣ Михайловскаго укрѣпленія огромныя потери, недовольные шансуги отдѣлились и разошлись по домамъ, убыхи же, зная принятыя нами мѣры къ оборонѣ, не рѣшались одни попытать счастья у какого-либо изъ нашихъ укрѣпленій. Тѣмъ не менѣе, они нѣсколько разъ проходили мимо фортовъ Раевского, Головинскаго и Навагинскаго. Конные джигиты, съ гикомъ и бранью, подсакивали въ валамъ, надѣясь вызвать гарнизонъ въ поле, но всѣ ихъ старанія пропадали даромъ. Впрочемъ, въ одну темную мартовскую ночь убыхамъ удалось ворваться въ фортъ Навагинскій и овладѣть однимъ его фасомъ, но, мужественно встрѣченные резервомъ и даже больными, они были штыками выброшены вонъ. Къ сожалѣнію, при этомъ были изрублены воинскій начальникъ капитанъ Подгурскій и командиръ роты линейнаго баталіона поручикъ Яковлевъ, подосланные первыми на угрожаемый